

В. А. Слугина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

slugina881@gmail.com

ШЕРТОПРИВОДНЫЕ ЗАПИСИ КАК ИНСТРУМЕНТ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДДАНСТВА СИБИРСКИХ НАРОДОВ РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРЮ В XVII ВЕКЕ *

Анализируются положения присяг (шертоприводных записей), разрабатываемых русской властью для включения коренных этносоциумов Сибири в социально-политическое пространство Московского государства. Сформулированные в шертоприводных записях условия подданства сопоставляются с данными делопроизводственных источников, описывающих проблемы межкоммуникационного взаимодействия. Автор провел анализ содержания шертоприводных записей XVII в. и выявил основные аспекты и направления государственной политики, отраженные в текстах записей, исследовал ключевые понятия «службы» и «подданства» в их историческом значении. На основании привлеченных источников, автор делает вывод о том, что шертоприводные записи (в отличие от крестоцеловальных) представляют собой более адаптированную к сибирским реалиям группу источников, а «иноземское» подданство народов Сибири разительно отличалось от подданства русского (православного) населения.

Ключевые слова: Сибирь, русско-аборигенные отношения, подданство, присяга, шертоприводные записи, XVII век.

В процессе присоединения территорий Сибири закономерно возникала проблема установления коммуникации с народами, имеющими разную социально-политическую организацию, религиозные воззрения и хозяйственную деятельность. Указанный контекст вынуждал российскую власть искать и вырабатывать «особые» способы конструирования, транслирования и внедрения желаемого социально-политического и экономического дискурса на новых территориях. Актуальной являлась потребность в правовом оформлении отношений между русской властью и сибирскими этносоциумами. Кроме того, выстраиваемым русско-аборигенным отношениям необходимо было придать статус «легитимных». Важнейшим

способом, обеспечивавшим решение этой задачи, являлось приведение «иноземцев» в подданство Российского государства, или – в лексику того времени – «в вечное холопство» «государю, царю и великому князю всеа Русии самодержцу». Одним из механизмов превращения коренного населения в подданных московского государя была процедура приведения к шерти – «шертование». Целью шертования являлось «закрепление» иноземного населения Сибири в «верности» и «службе» государю, т. е. через шертоприводные записи должны были конструироваться неконфликтные и регламентированные «нормой» отношения.

Несмотря на значимость процедуры шертования в историческом контексте присое-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00027.

динения Сибири в XVII в., шертоприводные записи остаются малоизученными в историографии. Как правило, обращение к текстам шертей практикуется историками в контексте изучения истории отдельных регионов и конкретных этносоциумов [Уманский, 1980; Цюрюмов, 2007; Иванов, 2009]. Попытки комплексного изучения сибирских шертоприводных записей предпринимались А. Ю. Коневым, который кратко рассмотрел эволюцию шертоприводных записей, поставив вопрос о происхождении этой разновидности частнопубличного акта на территории Сибири с критической позиции, и сделал акцент на том, что «необходимо различать шертование как процессуально-ритуальное действие и шертную запись как юридический документ, подтверждающий факт и содержание клятвы – присяги, имеющей правовые последствия» [2006. С. 174]. Противоположной трактовки шертоприводных записей придерживается М. О. Акишин, который по формально-юридическим признакам определяет сибирские шертные грамоты как неравноправные международные договоры [2013]. Более сдержанную оценку шертования дал А. С. Зуев: проведя параллель между шертоприводными записями и текстом «жалованного слова», автор отметил, что «жалованное слово» и шерть в увязке друг с другом содержали в себе элементы хотя и неравноправного, но договора, при этом исследователь также отметил тенденцию сближения шертоприводных записей с крестоцеловальными [2011. С. 57–59].

Неоднозначность в оценках исследователей в большой степени связана с различиями в источниковой базе, привлекаемой для анализа (как по географии, так и по хронологии). А для формулирования обобщенной оценки в отношении значения шертования в ходе присоединения Сибири, по нашему мнению, необходим целенаправленный историко-лингвистический анализ данной разновидности актов. Возможности для изучения шертоприводных записей сибирских «иноземцев» являются весьма ограниченными вследствие как малого количества этих записей, введенных в научный оборот, так и отсутствия достоверных сведений о начале шертования в Сибири и первых шертоприводных записях. Сравнительный анализ указанной разновидности актов оказался возможен лишь с привлечением архивных неопубликованных источников, на материа-

ле которых удалось проследить процесс формирования устойчивого формуляра (последовательность юридических формулировок) шертоприводных записей на протяжении всего XVII в. Выявленный нами комплекс шертоприводных записей XVII в., предназначенных для устного оглашения сибирским «иноземцам», относящимся к территориям Верхотурского, Тюменского, Туринского, Пелымского, Нарымского, Тарского, Березовского, Сургутского и Якутского уездов, содержит в формуляре интитуляцию (указание на то, кто будет шертовать), инскрипцию (указание адресата шертования, титул царя) и диспозицию (содержание основных положений документа). В данной статье мы бы хотели остановиться на анализе статей диспозиции шертоприводных записей, раскрывающих ключевые понятия «службы» и «верности» российскому государю со стороны народов Сибири.

Как и в крестоцеловальных записях, самыми «общими» (базовыми) обязательствами в шертоприводных записях были: 1) «служить и прямить» государю, не иметь дипломатических связей с неприятелями и «изменниками» России и не защищать их; не «отъезжать» в «немирные» земли и не призывать других государей на Московское царство; 2) по приказу царя «ходить» с российскими войсками против неприятелей России; на войне служить «без измены», подчиняясь воеводам и начальным головам.

Прежде всего, привлекает внимание обязательство не призывать других государей, которое должно было гарантировать признание легитимности власти конкретного государя и его фамилии, а все остальные претенденты автоматически попадали в разряд «изменников» и «воров».

В шертоприводной записи Федору Борисовичу 1605 г. нашли отражения реалии борьбы за власть в Смутное время, что выразилось в формулировке: «Также мне Симиона Бекбулатова и иного никого на Московское государство не хотети, и с ним не знатца и не дружитца, и не ссылатца с грамотками, и словом к нему ни на какое лихо не приказывати, и к вору, которой называется князем Дмитрием Углетцким, не приставати...»¹.

¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. № 5. Л. 20 об.

Более короткая формулировка содержится в крестоцеловальной записи Василия Шуйского, на основе которой следовало приводить к шерти: «...и иного государя, мимо его государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Руси не хотели...»².

Такие формулировки свидетельствуют о «неустойчивом» положении «новых государей» на российском престоле, что совершенно понятно с учетом контекста событий 1598–1613 гг. В обнаруженных шертоприводных записях для приведения в подданство Михаилу Федоровичу эта статья отсутствует. В образце шертоприводной записи, составленной для приведения к шерти Алтын-хана 1636 г., уже просто перечисляются наследники (Алексей Михайлович и Иван Михайлович) и дополнительно указано, что шерть действует «и вперед за их государскими наследники» [Русско-монгольские отношения..., 1974. С. 407]. В большинстве шертоприводных записей на верность Алексею Михайловичу эта формулировка снова включается в текст «образца»: «...опричь государя своего царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Руси на *Владимирское* (здесь и далее курсив наш. – В. С.) и на *Московское государство*, и на иные царствия иного государя из ьных государствъ, *Полского* и *Литовского*, и *немецких рещь* королей и королевичей, и из разных земель царей и царевичей, и из русских родов никого не хотети, и государства под ним, государем своим царем и великим князем Алексеєм Михайловичем всеа Руси не подыскивать никакими мерами и некоторою хитростью»³. В целом, указанное обязательство окончательно закрепилось в российской правовой системе Соборным уложением 1649 г. во второй главе «О государьской чести, и как его государьское здоровье оберегать» [ПСЗ-I, 1830. Т. 3. С. 3–6].

Помимо обязательства «не призывать» и «не хотеть» других государей, шертующийся должен был препятствовать «скопам» и «заговорам» против государя и биться с этими людьми или доносить о них представителям царской администрации. В целом, в смысловом поле понятия «службы» российскому государю можно выделить два базовых компонента: участвовать в военных по-

ходах и подчиняться представителям царской администрации; поддерживать с представителями царской администрации (воеводами и приказными головами) коммуникацию (доносить, сообщать о возможных изменах).

Выполнение указанных обязательств также сопровождалось обещанием «прямить» государю, т. е. не выходить из юрисдикции российской власти. Обязательства, связанные с понятием «прямить», изложены в шертоприводных записях более подробно, в них включались следующие пункты: 1) не уезжать в «немирные земли», не общаться с государевыми «изменниками» и не торговать с ними; 2) исполнять правила платежа ясака (указание на дачу полного ясака, «без недобору» и «со всех людей»); 3) самому шертующемуся не организовывать восстаний против российской власти, не ходить войною на сибирские города и на ясачных иноземцев.

Нарушение указанных статей влекло за собой переход шертующегося в категорию «изменника», «государева непослушника». В текстах шертоприводных записей (в отличие от крестоцеловальных записей) категориям «немирные земли» и «изменники» уделяется большое внимание. По текстам записей можно проследить, что в обязательстве «не отъезжать» из Российского государства в иные «земли» перечень последних меняется.

Раскрывающиеся в шертоприводных записях понятия «немирные земли», «земли» поднимают вопрос о политико-идеологическом значении пространственных границ (как межгосударственных политико-географических, так и сконструированных по принципу «лояльности» российскому царю). В. Кивельсон отмечает: «Будучи общественными устройствами, племенные группы и княжеские владения получали форму и статус “земель” на страницах чертежей и атласов, где они были зафиксированы и ограничены. В своих многочисленных... титулах великий государь заявлял права на каждую территорию отдельно, не заботясь о различии общественного устройства или степени контроля, который он над ними осуществлял». Значение выделения «границ» земель было также важно, потому как «...без ярко раскрашенных кругов, обозначающих земли и народы, никто не смог бы засвидетельствовать царскую власть и невозможно было бы установить реальность

² РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. № 133. Ч. 1. № 19. Л. 56.

³ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 233.

царского владычества» [Кивельсон, 2012. С. 254].

Еще более вариативным был список «врагов», «изменников» и «непослушников», на которых предписывалось ходить с сибирскими воеводами на «бои» и доносить об изменах с их стороны, а также запрещалось «ссылаться» с ними и торговать. В категорию «врагов» попадали жители ряда иностранных государств и «немирных земель», наиболее часто «изменниками» (относящимися к Сибирским территориям) назывались внук Кучума Девлет Кирей, «колмацкие тайши с их черными людьми», енисейские кыргызы и якуты [СГГД, 1822. Ч. 3. С. 440–442].

В результате исследования наименований «немирных земель» и категорий «изменников», указанных в шертоприводных записях, можно выделить более общие тенденции в политике царской власти, конструирующей образ «врага». Прежде всего, обнаруживается закономерность в перечне земель, в которые запрещается «отъезжать». В него входили как европейские (конкурирующие) государства – «Польша», «Литва», «Немцы», так и восточные территории, обладающие собственной (автономной от России) системой управления – кыргызские, калмыцкие и ногайские княжества и монгольские ханства. Переезд в эти земли означал бы для присягающего «измену» и де-факто выход из-под юрисдикции московской правовой системы. Таким образом, перечисленные государства и земли фиксируют фактические «границы» распространения власти «Белого царя». Установленные в общем виде «границы» еще не означали, однако, что все внутренние территории находятся в однозначном «подчинении» и «радении» российскому государю. Об этом свидетельствуют упоминаемые выше категории «изменников».

Московские власти пользовались понятиями «изменник», «вор», «недруг» очень искусно. Как указывает Л. И. Шерстова, по мнению московских властей, «все народы Сибирского ханства (Сибири) – неважно, были ли они формально присоединенными или не присоединенными, – заведомо считались “подданными”, с ними следовало обходиться “ласково, а не неволею и не жесточью”, чтобы не нанести ущерба собственному государству и лично “великому государю”. Воевать дозволялось только с

“изменниками”, теми, кто не платит ясака или ходит войной “под государевы” города и остроги. Русские служебные документы пронизаны непрерываемой установкой: “изменниками”, “непослушниками” называются не только уклоняющиеся от подати, но и новые, еще не объясаченные волости» [Шерстова, 2012. С. 94]. Упоминание в шертоприводных записях большого списка «изменников» иллюстрирует «слабость» царской власти на формально-включенных территориях. Кроме того, такой расширенный список являлся следствием «дополнений», вносившихся уездными воеводами, и, скорее всего, конкретный перечень названных этносоциумов был актуальным для своего историко-географического контекста. Сибирская администрация прекрасно понимала, что при приведении к присяге представителей одного рода конкретного этносоциума потенциальная опасность военного столкновения с другим родом сохранялась, а потому и пыталась заручиться поддержкой присягнувших в борьбе со всеми «неясачными».

Помимо действий «против», в шертоприводных записях иногда встречается любопытное указание призывать другие роды того же этносоциума «за» государя, а именно «под высокую государеву руку». Такое обязательство прописано, например, в шертоприводной записи, созданной между 1645 и 1649 г. и предназначенной для тунгусов: «...и иных отовсюду свою братью тунгусов и их племянников и улусных не ясачных людей под ево государеву царскую высокую руку приводить»⁴.

Как видно из текстов шертоприводных записей и делопроизводственных источников, одним из «базовых» критериев подданства народов Сибири российскому государю являлся платеж ясака. Однако в самих обязательствах, изложенных в диспозиции шертоприводных записей, статья, упоминающая о платеже ясака, встречается далеко не всегда. В нескольких записях содержатся более развернутые описания, например о размере ясака: «ясак, и поминки, самой большой, полной по вся годы без недобору платить» [Колониальная политика..., 1936. С. 11]; о качестве «мяхкой рухляди»: «ясак и поминки на прошлые годы и на нынешней

⁴ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Стб. 645. Л. 21.

на 154 год и по вся годы соболями, и лисицами, и бобрами добрыми, и всякою мяхкою рухлядью доброю ж по вся годы сполна без недобору, а приносить в ево государев ясак соболи с хвосты, а лисицы с лапами з хвостами ж, а подчениданные никакие рухляди вь его государвь ясак не приносить»⁵; о платеже ясака со «всех» людей, включая «подорослей» (молодых мужчин) и «захребетников» (подчиненные люди, работавшие на хозяйство ясачного иноземца. – В. С.)⁶.

В данном случае статьи шертоприводных записей только подтверждали уже сложившуюся (и, вероятно, хорошо известную присягающим) практику ясачного сбора, подробное описание которой также нашло отражение в наказах ясачным сборщикам⁷ и воеводам на принятие должности в острогах и городках [ДАИ, 1846. Т. 2. С. 267–274].

Кроме указанных («ультимативных») обязательств в текстах шертоприводных записей присутствует ряд пунктов, направленных на осуществление коммуникативного взаимодействия сибирских иноземцев с царской администрацией.

Прежде всего, русская сторона старалась обезопасить себя от нападений немирных народов – «изменников» и использовала для этого приведенных «под высокую руку» иноземцев. Шертовавшийся обязывался при получении информации о готовящемся заговоре и военном походе на русских служилых людей и на сибирские города противодействовать «изменникам», воевать с ними, а изменников «приводить к государю» (имеются в виду представители сибирской администрации). Но в случае невозможности военных действий иноземец должен был просто сообщить о готовящемся заговоре воеводам и приказным людям лично или передав информацию через своих улусных людей.

При необходимости воеводы могли вносить изменения в формуляр шертоприводной записи и дополнять перечень статей. Так, например, в образце шертоприводной записи 1646 г. для Туринского уезда⁸ прописано обязательство «доносить» на «ясачных иноземцев» в случае сокрытия ими

«мяхкой рухляди» или нарушения запрета на торговлю до ясачного сбора. В образце шертоприводной записи 1646 г., предназначенной для Березовского уезда⁹, коммуникация иноземца с царской администрацией представлена не обязанностью, а «правом» – приведенный в подданство мог писать челобитные на имя государя и подавать их в съезжую избу воеводе в случае получения ущерба – «обид» и «налогов» от ясачных сборщиков. Указанные пункты скорее всего являются переработкой типовых формулировок «жалованного слова», которое надлежало говорить воеводам перед иноземцами при принятии острога. «Жалованное слово» содержало обещание, что государь будет «давати суд и сыск праведной и росправу, и обороне им (иноземцам. – В. С.) от русских и от всяких людей <...> что б им насильства и убытков и продажи и налогов ни от ково не было», и сулило подарки тем, кто будет исправно «доносить» на возможные «шатоности» со стороны ясачных иноземцев¹⁰.

Помимо указанной формы правки с помощью положений «жалованного слова», сибирская администрация вносила в образцы шертоприводных записей названия острогов, географические наименования соседних уездов и даже конкретные имена воевод. Наиболее иллюстративным является текст шертоприводной записи Нарымского уезда 1646 г., в которой, помимо «формулярного» обязательства «не отъезжать», прописан «дополнительный» запрет на перекочевку в соседние уезды: «...и жити мне в Нарымскомъ уезде на старых своих юртах, и в иные в города и в остроги и в уезды, в Тарской уездъ, вь Барабу, и вь Кетцой, и вь Енисейской, и на Красной Яр, и в Томской, и вь Кузнецкой, и вь Мелеской, и в Сургуцкой, и в Монгазейской, и ни в которые уезды своих юрт не збегать»¹¹. Подобные правки не противоречат основному списку обязательств и правил коммуникации иноземцев с русским населением, а, наоборот, конкретизируют и уточняют общие формулировки историко-географическим элементом.

Обобщая вышесказанное, можно заключить, что анализ содержания шертоприводных записей XVII в. помог выявить основ-

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 236.

⁶ Там же. Л. 132.

⁷ См., например: Наказная память пятидесятнику К. Степанову 1648 г. (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–16).

⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 130–133.

⁹ Там же. Л. 231–238.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 30. Д. 59. Л. 130–131.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 232. Л. 192–193.

ные аспекты и направления государственной политики, отраженные в текстах записей, а также ключевые понятия «службы» и «подданства» в их историческом значении. В целом, шертоприводные записи принуждают сибирских иноземцев вступать в политическое поле Московского государства и подробно регламентируют, в какой форме иноземцы должны выражать свою «покорность» и лояльность государю.

Часть обязательств – не действовать без санкции Московского государства и против его интересов, а также выступать на стороне Москвы в военных кампаниях – являлись скорее идеальным описанием «подданства» государю, когда контрагент осознавал свое место в политической системе (как географически, так и функционально – с точки зрения службы государю). Именно эти положения чаще всего совпадают в шертоприводных и крестоцеловальных записях. Несмотря на такие совпадения, подданство российского населения и подданство «иноземское», естественно, различалось. По крестоцеловальной записи православный подданный обязывался быть верным конкретному российскому государю и оберегать его здоровье, факт принадлежности присягнувшего к российскому государству (и к российской правовой системе) не подвергался сомнению, закреплялся только адресат. В шертоприводной записи определялись правила поведения иноземца на «русской земле» (в острогах, городках) и с «государевыми людьми» (служилые люди, ясачные сборщики, воеводы, приказчики). Таким образом, присягающий оставался в некоторой мере «внешним» элементом социальной структуры Московского царства.

В реальности же непереносимость выполнения обязательств у русских (по крестному целованию) и иноземцев (по шерти) была разной. Если служилый человек должен был, подчиняясь приказу начальства, идти в поход против неприятеля, то сибирские иноземцы делали это, как правило, исходя из своих собственных интересов [Слугина, 2013. С. 84].

Специфичность подданства сибирских народов определялась также их ясачным положением. Отказ от платежа ясака или предоставления аманатов квалифицировался как «измена» и нарушение шерти, и наоборот – платеж ясака (хотя бы формально) предполагал «государеву защиту». В шер-

топриводных записях эта практика выражалась в виде обязательства ежегодно платить полный ясак и в виде запрета уезжать в неясачные земли или ходить войной на русское и ясачное население.

В отличие от крестоцеловальных записей, которые не могли дополняться и изменяться, шертоприводные записи представляют собой более адаптированную к сибирским реалиям группу источников. Осознавая всю «шаткость» даваемых иноземцами обещаний, царская администрация стремилась также наладить коммуникацию с представителями сибирских этносоциумов, чтобы узнавать актуальную информацию о соседних территориях, возможных «заговорах» против русских, а также для того, чтобы использовать самих иноземцев в качестве «инструмента» приведения в подданство других родов и народностей.

Список литературы и источников

Акишин М. О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вест. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. С. 233–241.

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией / Под ред. Я. Березникова, М. Коркунова. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. Т. 2: [1613–1645]. 306 с.

Зуев А. С. Российское государство и народы Сибири: характер и этапы взаимоотношений во второй половине XVI – начале XX в.: Учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2011. 188 с.

Иванов В. Н. Принятие российского подданства народами Якутии в XVII веке // Якутский архив. 2009. № 2. С. 3–6.

Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значение в России в XVII в. / Пер. с англ. Н. Мишаковой; науч. ред. перевода М. Кром. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. док. / Под ред. А. П. Алькора, Б. Д. Грекова. Л.: Изд-во Инта народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смиловича, 1936. 280 с.

Конев А. Ю. Шертоприводные записи и присяги сибирских «иноземцев» конца XVI –

XVIII в. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2006. № 6. С. 172–177.

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: В 45 т. СПб.: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 3. 691 с.

Русско-монгольские отношения 1636–1654: Сб. док. / Под ред. И. Я. Златкина, Н. В. Устюгова. М., 1974. 469 с.

Слугина В. А. Условия подданства сибирских «иноземцев» русскому государю в шертоприводных записях и делопроизводственных источниках XVII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Сб. материалов III Всерос. молодеж. науч. конф. (Новосибирск, 21–24 августа 2013 г.). Новосибирск, 2013. С. 73–86.

СГГД – Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Ч. 3. 566 с.

Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.

Цюрюмов А. В. Начальный этап вхождения калмыков в состав Русского государства // Востоковедные исследования в Калмыкии: Сб. науч. тр. Элиста, 2007. Вып. 2. С. 25–32.

Шерстова Л. И. Аборигенная политика Московского царства в Сибири: проблема синтеза социально-политических институтов в XVII в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2012. № 365 (декабрь). С. 93–98.

Материал поступил в редколлегию 30.10.2014

V. A. Slugina

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

slugina881@gmail.com

SHERT LETTERS AS A TOOL OF ALLEGIANCE OF SIBERIAN PEOPLES TO THE RUSSIAN TSAR IN THE 17th CENTURY

The article is devoted to the problem of functioning of public-law sources called «shert letters» (shertoprivodnye zapisi) used in the Moscow state in the 17th century to fix the native Siberian peoples in the Russian citizenship. Basing on unique archival materials, the author examines the key concepts of «service» and «loyalty» described in shert letters taking into account the historical and cultural context of the 17th century. Making a general list of oaths articles addressed to Siberian peoples, the author considers them from the point of view of Moscow objectives of the public policy in regard to indigenous peoples. The author notes that unlike Russian oath (krestotsevalnnye letters) that could not be supplemented and modified by local administration of territorial entities, the shert letters are more adapted to the realities of Siberia of the 17th century. Despite the similarity of forms and individual articles, shert letters do not immediately equate «foreigners» to Russians. With meticulously analysis of each item of shert letters, the author managed to reveal similarities and the differences in the citizenship of Russians and aboriginals in the Moscow State. The author concludes that the specificity of Siberian natives' citizenship is determined not only by their fur tax (jasak) position but also by the content of their obligations described in shert letters. Shert letters describe the form in which foreigners have to express their «submission» and loyalty to the sovereign, describe the rules of interaction with the Russian authorities, the rules of the payment of tribute. Moreover, through the procedure of swearing (shertovanie) and the announcement of special «sovereign grand word» to foreigners, Moscow authorities tried to incorporate the indigenous population of Siberia in the political system of the state and to impart necessary level of political culture for effective interaction. That's why shert letters are, in fact, the only document that guarantee natives the transition from the category of «a traitor» to the category of «Russian subject».

Keywords: Siberia; administrative management practices; Siberian natives; swearing in; oath of allegiance; shert letters.

References

Akishin M. O. Shertovanie narodov Sibiri pri prisoedinenii k Rossii. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2013, vol. 12, iss. 5: Arheologija i etnografija, p. 233–241. (in Russ.)

Dopolnenija k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye arheograficheskoj komissiej. Ja. Berednikov, M. Korkunov (eds.). St.-Petersburg, Tip. Jeduarda Praca, 1846, vol. 2: 1613–1645, 306 p. (in Russ.)

Zuev A. S. *Rossijskoe gosudarstvo i narody Sibiri: harakter i jetapy vzaimootnoshenij vo vtoroj polovine XVI – nachalo XX v.* Novosibirsk, 2011, 188 p. (in Russ.)

Ivanov V. N. Prinjatie rossijskogo poddanstva narodami Jakutii v XVII veke. *Jakutskij arhiv*, 2009, no. 2, p. 3–6. (in Russ.)

Kivelson V. Kartografija carstva: Zemlja i ee znachenie v Rossii v XVII v. N. Mishakova (transl.), M. Krom (ed.). Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2012, 360 p. (in Russ.)

Kolonial'naja politika Moskovskogo gosudarstva v Jakutii XVII v. A. P. Al'kor, B. D. Grekov (eds.). Leningrad, 1936, 280 p. (in Russ.)

Konev A. Yu. Shertoprivodnye zapisi i prisjagi sibirskikh «inozemtsev» kontsa XVI – XVIII v. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2006, no. 6, p. 172–177. (in Russ.)

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1. St.-Petersburg, Tip. II Otd. sobstv. e. i. v. kantselyarii, 1830, vol. 3, 691 p. (in Russ.)

Russko-mongol'skie otnoshenija 1636–1654. I. Ja. Zlatkin, N. V. Ustjugov (eds.). Moscow, 1974, 469 p. (in Russ.)

Slugina V. A. Uslovija poddanstva sibirskih «inozemcev» russkomu gosudarju v shertoprivodnyh zapisjah i deloproizvodstvennyh istochnikah XVII v. *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzgljad molodyh uchenyh.* Novosibirsk, 2013, p. 73–86. (in Russ.)

Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov. Moscow, 1822, ch. 3, 566 p. (in Russ.)

Umanskij A. P. *Teleuty i russkie v XVII–XVIII vekah.* Novosibirsk, Nauka, 1980, 296 p. (in Russ.)

Cjurjumov A. V. Nachal'nyj jetap vhozhenija kalmykov v sostav Russkogo gosudarstva. *Vostokovednye issledovanija v Kalmykii.* Elista, 2007, vol. 2, p. 25–32. (in Russ.)

Sherstova L. I. Aborigennaja politika Moskovskogo carstva v Sibiri: problema sinteza social'no-politicheskikh institutov v XVII v. *Vestnik of Tomsk State University*, 2012, no. 365 (December), p. 93–98. (in Russ.)